

ОНА ПРОСНЁТСЯ К СЕМИ

Мальта

Мальта .

Она проснётся к семи

«Автор»

2026

. М.

Она проснётся к семи / М. . — «Автор», 2026

Соседи стучат третий день. Аня не открывает. Бабушка не велела. Она говорит им, что бабушка спит. Что ей лучше. Что нельзя беспокоить. Они кивают. Но смотрят на занавешенные окна. И считают дни. Аня ухаживает за бабушкой. Каждый день. Моет. Кормит. Читает вслух. Как положено. Как обещала. Ночами скрипят половицы. В комнате, где лежащая бабушка не может ходить. И голос звучит всё настойчивее. Даже когда та молчит.

Мальта .

Она проснётся к семи

Глава 1.

Автобус уходил в четыре. Аня знала это точно, потому что водитель — краснолицый мужик в телогрейке — сказал ей об этом дважды: первый раз, когда она покупала билет, второй — когда она выходила на остановке. «В четыре, — повторил он, глядя куда-то мимо неё. — Если что. В четыре. Обратно». Аня кивнула. Она не собиралась обратно.

Остановка представляла собой бетонную плиту, вросшую в землю, и покосившийся навес, с которого осыпалась краска. Дальше — дорога. Грунтовая, разбитая трактором. По обе стороны — поля, уже убранные, серые, с редкими островками жёлтой стерни. Ветер нёс запах сырой земли и дыма. Где-то далеко, за горизонтом, тлели костры — жгли ботву.

Аня поставила сумку на землю и огляделась. Деревня начиналась сразу за полем: чёрные крыши, серые заборы, несколько фонарей, которые, судя по всему, не горели уже давно. Ни души. Только собака — рыжая, худая — сидела у крайнего дома и смотрела на неё без интереса.

Она достала телефон. Одно деление. Сообщение от подруги: «Ты доехала?» Аня набрала: «Да. Всё нормально». Отправила. Сообщение не ушло. Она сунула телефон в карман.

Дом бабушки стоял на отшибе — последний перед лесом. Аня шла по улице, считая заборы. Пятый. Седьмой. Девятый. Калитка — синяя, облупившаяся, с петлёй вместо ручки. Она толкнула её. Петля скрипнула. Двор встретил её тишиной: колодец с воротом, поленница под навесом, грядки — пустые, перекопанные на зиму. У крыльца — таз с дождевой водой. В тазу плавал жёлтый лист.

Аня постучала. Никто не ответил. Она постучала ещё раз, громче. Потом толкнула дверь. Та открылась.

— Бабушка?

В сенях пахло сыростью и чем-то кислым. Аня прошла в комнату. Темно. Только из-за занавески на окне пробивался серый свет. Она разглядела кровать — железную, с панцирной сеткой, — и на ней фигуру. Маленькую, высохшую, под грудой одеял.

— Бабушка. Это я. Аня.

Одеяла зашевелились. Из-под них выглянула рука — жёлтая, в пятнах, с синими венами. Рука показала в сторону окна.

— Свет, — сказала бабушка. Голос был сухой, скрипучий, как несмазанная дверь. — Включи свет. Что ты как неживая встала.

Аня нашла выключатель. Лампочка под потолком мигнула и загорелась — тусклая, жёлтая. Бабушка зажмурилась, потом открыла глаза. Глаза были мутные, но злые. Очень злые.

— Долго ехала, — сказала она. Не спросила — утвердила.

— Автобус раз в день, — сказала Аня. — Я не успела на утренний.

— А надо было успеть. Я тут лежу, умираю, а она не успела.

Аня промолчала. Поставила сумку на пол. Огляделась. В комнате было душно. Пахло лекарствами, мочой и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. На подоконнике — бутылки с водой, таблетки, грязная чашка. На полу — ведро. В углу — икона, завешенная полотенцем.

— Есть будешь? — спросила Аня.

— А ты готовить умеешь? — бабушка смотрела на неё в упор. — Твоя мать не умела. Всё подгорало. И ты, поди, такая же.

Аня стиснула зубы.

— Я сварю кашу.

— Кашу, — передразнила бабушка. — Я тебе не скотина. Я суп хочу. С курицей. Курица в морозилке. Только не разморозишь — там лёд.

— Я разморожу.

— Как хочешь.

Бабушка отвернулась к стене. Разговор был окончен. Аня пошла на кухню. Кухня была маленькая, с русской печкой и газовой плитой — старой, закопчённой. В холодильнике — банка сметаны, полбатона, яйца. В морозилке — курица, завернутая в газету. Аня положила её в кастрюлю с водой. Зажгла газ. Спички лежали на печке, в железной кружке.

Она села на табуретку и закрыла лицо руками. В горле стоял ком. Она не плакала. Просто сидела. За окном стемнело. Курица оттаивала. В комнате бабушка что-то бормотала — тихо, неразборчиво.

Аня достала телефон. Сети не было. Она включила музыку — без наушников, тихо, чтобы не слышала бабушка. Но бабушка услышала.

— Это что ещё? — крикнула она из комнаты. — Выключи. Голову ломит.

Аня выключила. В доме стало тихо. Только шипел газ да бормотала бабушка.

Суп она сварила к семи. Бабушка есть не стала. Посмотрела на ложку, которую Аня поднесла к её рту, и сказала:

— Не хочу. Убери.

— Ты же просила.

— Я передумала.

Аня убрала. Бабушка закрыла глаза. Аня стояла рядом, держа тарелку. Потом села на стул у кровати. Стул был жёсткий, с продавленным сиденьем. Она сидела и смотрела, как бабушка дышит — часто, поверхностно, с хрипом.

— Ты завтра уедешь? — спросила бабушка, не открывая глаз.

— Нет.

— Почему?

— Потому что некому за тобой смотреть.

Бабушка открыла глаза. Улыбнулась — одними губами, сухо.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Вот и славно. Ты хорошая внучка. Ты меня не бро-
сишь.

Аня кивнула. Бабушка закрыла глаза. Через минуту она уже спала — или делала вид. Аня сидела. Смотрела на её лицо: серое, изрытое морщинами, с запавшими щеками. Когда-то бабушка была красивой. На фотографиях в альбоме — молодая, в платке, с ямочками на щеках. Смеялась. Аня не помнила, когда бабушка смеялась в последний раз.

Она встала. Пошла на кухню. Съела ложку супа — остывшего, безвкусного. Потом вернулась в комнату. Аня постелила себе на полу — матрас, который нашла в кладовке, старый, пахнущий пылью. Легла. Свет выключила.

В темноте было слышно, как бабушка дышит. Хрип. Пауза. Хрип. Пауза. Аня считала паузы. На десятой — сбилась. Закрыла глаза.

За стеной, в лесу, крикнула птица. Или не птица. Аня прислушалась. Тишина. Только хрип. И где-то далеко — собачий лай. Она повернулась на бок. Матрас скрипнул. Бабушка заворчалась.

— Не спишь? — спросила она.

— Сплю, — сказала Аня.

— Врёшь, — сказала бабушка. — Я слышу. Ты не спишь. Ты думаешь. Я знаю, о чём ты думаешь. Ты думаешь: зачем я сюда приехала. Ты думаешь: лучше бы она умерла. Так ведь?

Аня не ответила.

— Я знаю, — повторила бабушка. — Я всё знаю. Спи. Завтра рано вставать.

Она замолчала. Аня лежала с открытыми глазами. В темноте потолок казался низким, давящим. Она представила, что он опускается. Медленно. Сантиметр за сантиметром. И скоро коснётся её лица. Она зажмурилась. Потом открыла. Потолок был на месте.

Она лежала и слушала хрип. Хрип. Пауза. Хрип. Пауза. И ждала утра.

Глава 2.

Утро началось с крика.

— Аня! Аня! Встала!

Аня открыла глаза. Потолок. Паутина в углу. Запах — тот же, тяжёлый. Она села на матрасе. Тело ломило — пол был жёсткий, холодный. За окном серо. Сколько времени? Она посмотрела на телефон. Семь утра. Сети нет. Батарея — тридцать процентов.

— Аня! Ты оглохла?

Она встала. Накинула кофту. Пошла в комнату. Бабушка лежала на подушках — бледная, с растрёпанными волосами, с мокрыми от пота висками. Глаза — злые, ясные.

— Судно, — сказала она. — Быстро.

Аня нашла судно под кроватью. Пластиковое, с трещиной. Бабушка смотрела, как она его подставляет.

— Осторожнее. Не так. Не так, я сказала. Ты что, никогда не делала этого?

— Нет.

— Вот и видно. Все детство за тобой с горшком носилась, а теперь ты.

Аня не ответила. Сделала всё, что нужно. Вынесла судно. Вымыла. Руки дрожали. Она включила воду в кране — холодную, ледяную. Держала руки под струёй, пока не свело пальцы.

Когда она вернулась, бабушка уже командовала:

— Окно не открывай. Сквозняк. Я не хочу воспаление лёгких. Поняла? Не открывай.

— Тут душно, — сказала Аня.

— Тебе душно, — отрезала бабушка. — А мне нормально. Ты молодая. Ты потерпишь.

Аня подошла к окну. Занавеска была тяжёлая, пыльная. Она хотела отдёрнуть — хотя бы на минуту. Бабушка приподнялась на локтях.

— Не смей. Я сказала — не смей.

Аня убрала руку. Бабушка откинулась на подушки. Довольная. Как будто выиграла бой.

День тянулся медленно. Аня сварила кашу — на воде, без соли, как просила бабушка. Бабушка съела три ложки и отодвинула тарелку.

— Невкусно.

— Ты просила без соли.

— Я просила нормально. А ты не умеешь. Твоя мать тоже не умела. Вся в неё.

Аня молча убрала тарелку. Пошла на кухню. Съела остатки — холодные, клейкие. Посмотрела в окно. По улице шла женщина — в телогрейке, с ведром. Соседка. Аня хотела выйти, поздороваться. Но бабушка крикнула из комнаты:

— Ты где там? Иди сюда. Я одна лежу.

Аня не вышла. Соседка прошла мимо. Не обернулась.

После обеда бабушка потребовала, чтобы Аня села рядом. Просто села. И сидела.

— Читай, — сказала бабушка.

— Что читать?

— Вон, на полке. Книга. Я не вижу буквы. Читай вслух.

Аня взяла книгу. Потрёпанный томик — рассказы Чехова. Она открыла первую страницу. «Хамелеон». Начала читать. Бабушка слушала. Глаза закрыты. Через минуту сказала:

— Не так. Ты не так читаешь. С выражением надо.

Аня попробовала с выражением. Бабушка поморщилась.

— Фальшивишь. Ладно. Хватит. Не надо.

Аня закрыла книгу. Бабушка лежала с закрытыми глазами. Молчала. Потом сказала тихо, не открывая глаз:

— Ты на меня обижаешься.

— Нет.

— Обижаешься. Я знаю. Все на меня обижаются. Я всю жизнь одна. Муж умер, дочь умерла. Теперь ты. Ты хочешь, чтобы я поскорее сдохла, и ты бы уехала. Я знаю.

— Я не хочу.

— Хочешь. Все хотят. Но ты не уедешь. Ты останешься. Потому что ты хорошая. Ты меня не бросишь. Правда?

Аня посмотрела на неё. На маленькое, высохшее тело под одеялом. На жёлтые руки. На злые глаза, которые смотрели на неё в упор.

— Правда, — сказала Аня.

Бабушка улыбнулась. Улыбка была странная — как будто она провернула что-то внутри, как ключ в замке.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Вот и славно.

Вечером пришла тётя Валя. Стук в калитку. Аня вздрогнула. Бабушка открыла глаза.

— Кто там?

— Не знаю. Кажется, соседка.

— Не пускай.

— Бабушка, она просто...

— Не пускай, я сказала. Она пришла вынюхивать. Она хочет меня в интернат сдать. Я знаю. Они все хотят. Ты хочешь?

— Нет.

— Тогда закрой калитку на засов. И дверь запри. Иди.

Аня вышла в прихожую. Стук повторился. Она стояла, не двигаясь. Пока не услышала удаляющиеся шаги.

— Ушла?

— Ушла.

— Молодец. Ты хорошая внучка. Я знала, что ты хорошая.

Аня села на стул. В комнате было темно. Только лампочка под потолком — тусклая, жёлтая. Бабушка закрыла глаза. Дышала хрипло. Аня смотрела на неё. И думала: почему я не открыла? Почему я не открыла дверь? Что со мной?

Она не знала ответа. Просто сидела. И слушала хрип. И ждала, когда бабушка уснёт. Или когда уснёт сама.

Ночью она проснулась от того, что бабушка смеялась. Тихо, в темноте. Хихикала, как ребёнок.

— Бабушка?

Смех прекратился.

— Спи, — сказала бабушка. — Я просто вспомнила. Как ты в детстве упала в колодец. Помнишь?

Аня не помнила. Она никогда не падала в колодец.

— Спи, — повторила бабушка. — Завтра рано вставать.

Аня лежала с открытыми глазами. В темноте потолок казался ниже. Он давил. Она чувствовала его тяжесть. И ещё — запах. Тяжёлый. Он стал сильнее. Как будто кто-то открыл банку с вареньем и забыл закрыть. Или как будто что-то гнило. Где-то. Рядом.

Глава 3.

Она не спала. Лежала на матрасе, укрывшись одеялом, и смотрела в потолок. В темноте не было видно паутины, но Аня знала, что она там. В углу. Прямо над её головой. Она представила, как паук — чёрный, мохнатый — сидит в центре и ждёт. Муха бьётся в сеть. Паук не торопится. Он знает, что муха никуда не денется.

Бабушка дышала хрипло. С паузами. Аня считала. Раз. Два. Три. Четыре. Хрип. Раз. Два. Три. Четыре. Тишина. Слишком долгая тишина. Аня приподнялась на локте. Всмотрелась в темноту. Бабушка не дышала. Аня замерла. Потом бабушка всхрипнула. И задышала снова. Аня легла. Сердце колотилось.

Она закрыла глаза. Попробовала уснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли — одна и та же, по кругу. Зачем она здесь? Что она делает? Сколько это продлится? Месяц? Год? Больше?

Она вспомнила город. Свою квартиру — маленькую, съёмную, с окном на шумный проспект. Работу — офис, серые столы, кофе из автомата. Подруг — Лену, которая звонила каждый день, и Марину, которая звонила раз в месяц. Она вспомнила, как сказала им: «Я уезжаю. Бабушка больна. Нужно помочь». Лена сказала: «Ты уверена? Может, сиделку?» Аня сказала: «Она не хочет сиделку. Она хочет меня». Лена промолчала. Марина сказала: «Ты герой». Аня тогда улыбнулась. Теперь она не улыбалась.

Она повернулась на бок. Матрас скрипнул. Бабушка тут же отозвалась:

— Не спишь?

Аня не ответила.

— Я знаю, что не спишь. Я слышу. Ты ворочаешься. Как медведь в берлоге.

— Бабушка, спи.

— Я сплю. Это ты не спишь. Ты думаешь. Я слышу, как ты думаешь. Это громко. Ты думаешь: «Господи, когда это кончится». Так ведь?

Аня молчала.

— Я тоже думаю, — сказала бабушка. — Я думаю: «Господи, когда это кончится». Только я не про тебя. Я про себя. Я устала. Я хочу умереть. Но ты меня не пускаешь.

Аня села на матрасе.

— Что?

— Ты меня держишь, — сказала бабушка. — Ты думаешь, что помогаешь. А ты держишь. Я хочу уйти. А ты меня не пускаешь. Ты эгоистка. Ты хочешь, чтобы я мучилась. Чтобы ты могла сказать: «Я ухаживала за бабушкой». Чтобы все тебя хвалили. Вот зачем ты приехала.

— Это неправда, — сказала Аня. Голос дрогнул.

— Правда, — сказала бабушка. — Я тебя знаю. Ты всегда была такая. Маленькая, а уже хитрая. Ты думала, что я не замечаю. А я всё замечала. Всё.

Она замолчала. Аня сидела в темноте. Руки тряслись. Она хотела встать. Выйти. На улицу. Но за окном была ночь. Деревня. Лес. Она не знала, куда идти. И бабушка бы услышала. Бабушка бы сказала: «Куда ты собралась? Бросить меня хочешь?»

Аня легла. Натянула одеяло до подбородка. Закрыла глаза. В голове стучало. «Эгоистка. Эгоистка. Эгоистка».

Она провалилась в сон под утро. Ей снилось, что она в колодце. Стенки — мокрые, скользкие. Вода — ледяная, до пояса. Она кричит. Сверху — бабушка. Молодая, в платке, с ямочками на щеках. Смеётся. «Помнишь? — говорит она. — Ты упала. А я тебя не вытащила. Я ждала. Пока ты сама. А ты не смогла. Ты слабая. Ты всегда была слабой».

Аня проснулась от холода. Одеяло сползло. В комнате — серый свет. Утро. Бабушка спала. Или делала вид. Аня встала. Ноги затекли. Она вышла на кухню. Включила чайник. Посмотрела в окно. По улице шёл мужик с собакой. Собака — та самая, рыжая, худая. Мужик посмотрел на дом. Аня отшатнулась от окна. Сердце заколотилось. Зачем? Она не знала. Просто отшатнулась.

Чайник закипел. Она заварила чай. Села за стол. Взяла телефон. Сети нет. Она включила закладки. Начала писать: «День третий. Всё нормально. Бабушка спит. Я устала. Но всё нормально». Она смотрела на эти слова. Потом стёрла. Написала: «День третий. Я не знаю, зачем я здесь». Посидела. Стёрла. Написала: «День третий». Оставила. Закрыла телефон.

Из комнаты — голос:

— Аня! Ты где? Иди сюда. Я одна.

Аня допила чай. Встала. Пошла в комнату. Бабушка лежала на подушках. Смотрела на неё. Глаза — ясные, злые.

— Ты куда ушла? — спросила она.

— Чай пила.

— Без меня?

— Ты спала.

— Я не спала. Я лежала. Я слышала, как ты ушла. Ты бросила меня. Одну. В темноте.

— Бабушка, я на кухне была. Пять минут.

— Пять минут, — повторила бабушка. — А если бы я умерла? Ты бы пришла, а я мёртвая. Ты бы обрадовалась.

— Неправда.

— Правда. Ты бы обрадовалась. Ты бы поехала домой. И рассказала всем: «Я ухаживала за бабушкой, а она умерла». И все бы тебя жалели. Вот чего ты хочешь. Жалости.

Аня стояла. Руки сжаты в кулаки. Ногти впились в ладони. Она хотела крикнуть. Хотела сказать: «Заткнись. Заткнись. Я не могу больше». Но не сказала. Стояла. Смотрела на бабушку. И бабушка смотрела на неё. И в глазах у бабушки было что-то — не злость. Что-то другое. Что-то, от чего у Ани по спине пошёл холод. Как будто бабушка видела её насквозь. Как будто знала что-то, чего не знала сама Аня.

— Ладно, — сказала бабушка. — Иди. Свари мне кашу. И не забудь: без соли. Ты вечно забываешь.

Аня вышла. На кухне она прислонилась к стене. Закрыла глаза. Дыхание — частое, поверхностное. Как у бабушки. Она постояла. Потом открыла глаза. Посмотрела на свои руки. И начала варить кашу.

Днём приехал участковый. Молодой, в форме, с планшетом. Стук в калитку. Аня вздрогнула. Бабушка открыла глаза.

— Кто?

— Не знаю.

— Посмотри.

Аня подошла к окну. Участковый стоял у калитки. Молодой, веснушчатый. Смотрел на дом.

— Полиция, — сказала Аня.

— Не пускай, — сказала бабушка. Голос — твёрдый, без хрипа. — Скажи, что я сплю. Скажи, что я болею. Скажи, что нельзя.

Аня вышла. Открыла дверь. Не калитку — дверь. Участковый стоял за калиткой. Улыбнулся.

— Здравствуйте. Участковый, Андрей. Проверка. Как дела? Жалобы есть?

— Нет, — сказала Аня. — Всё хорошо.

— Бабушка ваша как? Вера Петровна?

— Спит. Она болеет. Лежачая.

— Понятно. Может, врача вызвать? Или соцработника?

— Не надо. Я сама.

— Ну, если что — звоните. Вот номер. — Он протянул бумажку.

Аня взяла. Бумажка была тёплая. Она сжала её в кулаке.

— Спасибо.

— До свидания. Выздоровливайте.

Он ушёл. Аня стояла. Смотрела ему вслед. Потом закрыла дверь. На засов. Вернулась в комнату. Бабушка смотрела на неё.

— Ушёл?

— Ушёл.

— Что спрашивал?

— Как дела.

— А ты что сказала?

— Что всё хорошо.

— Молодец. Ты хорошая внучка. Я знала, что ты хорошая.

Аня села на стул. Бумажка с номером — в кулаке, смятая. Она разжала руку. Посмотрела. Номер. Цифры. Она не запомнила их. Просто смотрела. Потом положила бумажку на подоконник. Под бутылку с водой. И забыла о ней. На полгода.

Глава 4.

Тётя Валя пришла на четвёртый день. Не стучала — просто открыла калитку и вошла во двор, как к себе. Аня мыла посуду на кухне и не слышала шагов. Только когда заскрипели половицы в прихожей, она обернулась. В дверях стояла женщина — полная, в цветастом халате, с банкой в руках. Лицо доброе, но глаза острые.

— Здравствуй, — сказала она. — Я Валя. Соседка. Мы с твоей бабушкой сорок лет рядом живём.

Аня вытерла руки о полотенце.

— Здравствуйте.

— А я смотрю — свет горит, машина не приезжает. Дай, думаю, зайду. Проведаю. Как Вера Петровна?

— Спит, — сказала Аня. Слово вылетело само. Как выученное.

— Спит, — повторила Валя. — Днём-то? Она раньше днём не спала. Всё ворчала, что свет ей мешает.

Она прошла в комнату. Аня — за ней. Сердце колотилось. Бабушка лежала на кровати. Глаза закрыты. Дышала — хрипло, с паузами. Валя остановилась в дверях.

— Вера Петровна? — позвала она. — Это Валя. Ты как?

Бабушка не шевельнулась. Валя постояла. Потом повернулась к Ане.

— Давно она так?

— Полгода. После инсульта.

— А врач был?

— Был. Сказал — лежащая. Уход нужен.

— Уход, — Валя вздохнула. — Тяжело. Ты одна?

— Одна.

Валя покачала головой. Помолчала. Потом сказала:

— Ты бы врача ещё раз вызвала. Или соцработника. В районе есть. Я знаю номер.

— Спасибо. Я справлюсь.

Валя смотрела на неё. Долго. Аня выдержала взгляд. Потом Валя сказала:

— Ну, смотри. Я тут рядом. Если что — кричи. Через забор слышно.

Она поставила банку на стол.

— Варенье. Слива. Она любила.

— Спасибо.

Валя пошла к выходу. В прихожей обернулась.

— Аня.

— Да?

— Ты дверь-то запираешь? На ночь.

— Запираю.

— И калитку запирай. Тут раньше спокойно было. А сейчас — то пьяные, то бродяги. Мало ли.

— Хорошо.

Валя вышла. Калитка скрипнула. Аня стояла в сенях. Слушала, как удаляются шаги. Потом закрыла дверь. На засов. Вернулась в комнату. Бабушка открыла глаза.

— Ушла?

— Ушла.

— Что говорила?

— Спрашивала, как ты.

— А ты что сказала?

— Что спишь.

— Хорошо. А про врача?

— Сказала, что был.

— А про соцработника?

— Сказала, что не надо.

Бабушка улыбнулась. Сухо, одними губами.

— Молодец. Не пускай их. Они все хотят меня в интернат. Там кормят плохо. Там умирают. Я не хочу в интернат. Ты меня не сдашь?

— Нет.

— Поклянись.

— Бабушка.

— Поклянись.

Аня смотрела на неё. На жёлтое лицо. На злые глаза.

— Клянусь.

Бабушка закрыла глаза. Довольная. Аня села на стул. В комнате было тихо. Только хрип. Пауза. Хрип. Пауза. И где-то в прихожей — муха билась о стекло. Жужжала. Аня смотрела на неё. Муха билась. Билась. Потом села на подоконник. И затихла. Аня отвернулась.

На следующий день пришёл сосед. Дед Матвей — высокий, сутулый, с палкой. Он не стал заходить во двор. Просто постоял у калитки. Потом крикнул:

— Хозяева!

Аня вышла на крыльцо.

— Здравствуйте.

— Здравствуй. Я Матвей. Сосед. Ты чья будешь?

— Внучка. Аня.

— А, Аня. Помню. Маленькая была. С матерью приезжала. — Он помолчал. — Вера как?

— Болеет.

— А что ж не видно её? Мы с бабкой думали — может, померла уж.

Аня вздрогнула. Внутри что-то сжалось. Она сказала ровно:

— Нет. Жива. Спит много.

— Спит, — повторил Матвей. — Ну, дай бог. Ты это... если помощь нужна — скажи. Мы рядом.

— Спасибо.

Он постоял ещё. Посмотрел на дом. На окна — занавешенные, тёмные. Потом сказал:

— Занавески-то зачем задёрнула? Свет днём не нужен?

— Бабушка не любит свет. Голова болит.

— А. Ну, бывает. Ладно. Пойду.

Он ушёл. Аня стояла на крыльце. Смотрела, как он идёт по улице — медленно, с палкой, сутулый. У калитки он обернулся. Посмотрел на дом. Аня отступила в тень. Он пошёл дальше.

Она вернулась в комнату. Бабушка лежала с открытыми глазами.

— Кто приходил?

— Дед Матвей.

— Чего хотел?

— Спрашивал, как ты.

— А ты?

— Сказала, что спишь.

— Он поверил?

— Не знаю.

Бабушка молчала. Смотрела в потолок. Потом сказала:

— Он старый. Склероз. Забудет.

Аня села на стул. Муха снова билась о стекло. Жужжала. Аня смотрела на неё. И думала: а если они вернутся? Если придут вдвоём? Если заглянут в окно? Что тогда?

Она встала. Подошла к окну. Занавеска была тяжёлая, пыльная. Она подоткнула её плотнее. Чтобы не было щели. Чтобы никто не заглянул. Бабушка наблюдала за ней.

— Правильно, — сказала она. — Правильно. Никто не должен видеть. Никто.

Вечером Аня сидела на кухне. Ела хлеб с вареньем — тем самым, от Вали. Варенье было сладкое, густое. Пахло сливой. Аня ела и смотрела в стену. Потом достала телефон. Сети нет. Она открыла галерею. Фотографии — город, подруги, кафе. Она листала. Лена смеётся. Марина держит кофе. Аня на фоне окна. Всё это было давно. Как в другой жизни. Она закрыла галерею. Открыла заметки. Написала: «День четвёртый. Соседи приходили. Я соврала. Всё нормально». Посидела. Стерла. Написала: «День четвёртый. Я не знаю, что делаю». Посидела. Стерла. Закрыла телефон.

Из комнаты — голос:

— Аня! Иди сюда. Я одна.

Аня встала. Пошла. Бабушка лежала. Смотрела на неё.

— Ты ела?

— Ела.

— Что?

— Хлеб с вареньем.

— Это Валя принесла? Слива?

— Да.

— Она всегда сливу варила. Сорок лет. Я её варенье не люблю. Слишком сладкое. Но ты ешь. Ешь.

Аня села на стул. Бабушка закрыла глаза. Дышала. Хрип. Пауза. Хрип. Пауза. Аня смотрела на неё. На впалые щёки. На жёлтую кожу. На руки — сухие, как ветки. И думала: она умрёт. Скоро. Может, завтра. Может, через месяц?

Она не знала ответа. Просто сидела. И слушала хрип. И ждала. Чего — сама не понимала. Глава 5.

Тот день начался с крика.

— Аня! Аня! Вставай! Ты что, умерла?

Аня открыла глаза. Серый свет. Потолок. Паутина. Она села. Тело ломило — каждую ночь на полу, каждое утро одно и то же. Она встала. Бабушка лежала на подушках — бледная, с мокрыми от пота волосами. Глаза злые.

— Ты почему не встаёшь, когда я зову?

— Я встала.

— Поздно. Я звала пять минут. Я тут лежу, а ты дрыхнешь. Мне плохо. Мне очень плохо.

— Что болит?

— Всё. Всё болит. Ты бы так полежала. Тогда бы узнала.

Аня вздохнула. Подошла к кровати. Поправила одеяло. Бабушка отёрнула руку.

— Не трогай. Не надо. Ты не умеешь. Ты ничего не умеешь.

Аня убрала руку. Пошла на кухню. Включила чайник. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. Пять минут. Просто пять минут тишины. Чайник закипел. Она заварила чай. Взяла чашку. Вернулась в комнату. Бабушка смотрела на неё.

— Мне чай.

— Я тебе не принесла. Ты не просила.

— Я просила. Ты не слышала. Ты никогда не слышишь. Ты думаешь только о себе.

Аня принесла чай. Бабушка отпила. Поморщилась.

— Сладкий.

— Ты просила сладкий.

— Я просила нормальный. Ты не умеешь. Всё не так. Всё не так, как надо.

Аня забрала чашку. Поставила на тумбочку. Бабушка смотрела на неё. Молчала. Потом сказала:

— Ты меня ненавидишь.

— Нет.

— Ненавидишь. Я вижу. Ты думаешь: «Когда она уже сдохнет». Я знаю. Все так думают. Муж думал. Дочь думала. Теперь ты. Вы все ждёте. Ждёте, когда я умру. Чтобы вам стало легче.

— Бабушка, перестань.

— Перестань, — передразнила бабушка. — А ты не переставай. Ты ухаживай. Ты обещала. Ты поклялась. Ты не уедешь. Ты останешься.

Аня стояла. Руки сжаты. Ногти в ладони. Она чувствовала, как что-то поднимается внутри — горячее, тяжёлое. Как волна. Она хотела сказать: «Замолчи». Хотела крикнуть. Но не крикнула. Просто стояла. Бабушка улыбнулась. Увидела. Поняла.

— Что, — сказала она. — Обиделась? Правда глаза колет? Ты думаешь, я не знаю, какая ты? Я тебя вырастила. Я тебя видела. Ты слабая. Как твоя мать. Твоя мать была тряпка. И ты тряпка. Ты не сможешь меня бросить. Ты не сможешь. Ты будешь здесь. Пока я не умру. А я не умру. Я долго живу. Я тебя переживу. Вот увидишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.